

К.М.Станюкович. Собрание сочинений в 10 томах. Том 3. //Правда,
Москва, 1977
FB2: Vitmaier, 2008-05-07, version 1.0
UUID: 048695c4-7fb5-102b-9c90-12cbc7843eac
PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Константин Михайлович Станюкович

Рождественская ночь

**Константин Михайлович
Станюкович
РОЖДЕСТВЕНСКАЯ НОЧЬ**

Волшебная тропическая ночь, вслед за закатом солнца, почти внезапно опустилась над Батавией [1] и, благодаря ветерку, дувшему с моря, дышала нежной прохладой, казавшейся таким счастьем после палящего зноя дня. Мириады звезд зажглись на небе, и луна, круглая и полная, лила свой серебристый свет с высоты бархатисто-темного купола и, медленно плывя, казалась задумчивой и томной.

В эту чудную ночь, накануне Рождества Христова, белый катер с клипера «Забияка», стоявшего верст за шесть, за семь на рейде, – дожидался у одной из пристаней нижней части города господ офицеров, бывших на берегу.

Эта нижняя, «деловая» часть города с конторами, пакгаузами [2], лавками, складами и тесно скученными домами, исключительно населенная туземцами – малайцами и метисами, да пришлыми китайцами, ютилась почти у самого моря, кишящего акулами и кайманами, в нездоровой, сырой и болотистой местности. Настоящие хозяева острова Явы, голландцы, жили наверху, на горе, в европей-

ской Батавии, роскошном, чистом городке изящных домов, вилл и гостиниц, тонувшем в густой зелени садов и парков, в которых высились гигантские пальмы. Оттуда с ранней зари деловые люди спускались в малайский квартал и в десять часов утра уже возвращались домой в свои прохладные дома. Адская жара заставляла прекращать занятия, возобновлявшиеся снова за несколько часов до заката и оканчивающиеся часов в десять вечера.

Оживленная и шумная днем жизнь в малайском квартале затихла. Огоньки в маленьких домах потухли, и узкие и грязные, прорезанные смертоносными каналами, улицы нижнего города опустели. Даже не видно было шныряющих у пристаней ночных темнокожих фей-малаек, чтобы смущать матросов всевозможных национальностей, давно не бывших на берегу, и своим более чем откровенным нарядом, и выразительными пантомимами, и острым, неприятным запахом кокосового масла, которым малайки расточительно пользуются, смазывая им и волосы, и руки, и шею. Пусто везде. Изредка лишь

мелькнет громадный бумажный фонарь за-
поздалого разносчика всяких товаров, китай-
ца – этого еврея почти всего востока, возвра-
щающегося из верхнего города, от варваров, к
себе домой на отдых.

Где-то вблизи на рейде, на каком-то судне
пробило шесть склянок – одиннадцать часов.
Туземец спит. У пристани и далеко кругом
стоит мертвая тишина с однообразным шепо-
том морского прибоя, который нежно лижет
береговой вязкий песок. Только по временам
эта торжественная, полная какой-то таин-
ственности, тишина тропической ночи нару-
шается вдруг шумными всплесками, когда
крокодил, после дневного крепкого сна на от-
мелях под отвесными лучами солнца, забав-
ляется в воде, ловя добычу.

И снова тишина.

Русские матросы с «Забияки», катерные
гребцы, в ожидании господ, находились все
на катере. Лунный свет падал на их белые ру-
бахи и захватывал некоторые лица. Несколь-
ко человек, растянувшись под банками, слад-
ко спали. Один чернявый молодой матросик
задумчиво и как-то вопросительно поглядыва-

вал то на мерцающие звезды, то на сверкающую серебром полосу моря и видимо думал какую-то думу, судя по его напряженно-стро-гому лицу. По временам, когда раздавались всплески, он вздрагивал и пугливо озирался на товарищей. А человек шесть или семь со-брались около кормы и, рассевшись по бор-там на сиденьях, вели беседу как-то особенно тихо, почти шепотом, словно бы боясь нару-шить тишину этой волшебной ночи и точно несколько пугаясь ее жуткой таинственно-сти. Дымок нескольких курящихся трубочек с острым запахом махорки приятно щекотал обоняние беседующих гребцов.

Кроме русского катера, у пристани не было ни одной шлюпки.

Матросы вспоминали о России, о праздни-ке на родине, высказывали желание поско-рей вернуться домой, особенно те, которые по возвращении рассчитывали на отставку или, по крайней мере, на бессрочный отпуск. Вот уж третье Рождество они встречают в «чу-жих» и «жарких» местах... Опротивело... Ско-рей бы вернуться!

И несмотря на жизнь, хотя полную опасно-

стей, но все-таки относительно сносную (на клипере и командир, и офицеры были люди порядочные и матросов не теснили) и сытую, каждого из матросов тянуло туда, на север, на далекую родину с ее бедами и нуждой, с покосившимися избами, соснами и елями, снегом и морозами.

После этих воспоминаний все как-то притихли. Несколько минут длилось молчание.

– Гляди... Звезда упала... Еще... И куда она падает, братцы? – тихо спросил чернявый матрос.

– В окиян, известно. Опричь окияна ей некуда упасть! – отвечал пожилой здоровый матрос уверенным тоном.

– А ежели на землю? – спросил кто-то.

– Нельзя, потому все как есть расшибет. По самой этой причине бог и валит звезду в море... Туда, мол, тебе место...

Чернявый матросик, видимо неудовлетворенный этим объяснением, снова стал глядеть на небо.

И необыкновенно приятный грудной голос загребного Ефремова заговорил:

– Это бог виноватую звезду наказывает...

Потому звезды тоже бунтуют... И особенно много, братцы, падает их в эту ночь...

– По какой такой причине, братец? – задорно спросил пожилой, плотный матрос.

– А по такой причине, милый человек, что в эту ночь не бунтуй, а веди себя смирно, потому как в эту самую ночь Спаситель родился... Великая эта ночь... Нашему рассудку и не понять... И как ежели подумаешь, что родился он в бедности, пострадал за бездельных людей и принял смерть на кресте, так наши-то все горя ничего не стоят... Ни одной полушки!.. Да, братцы, великая эта ночь. И кто в эту ночь обидит младенца, – тому великое будет наказание... Так старик один божественный мне сказывал, странник. В книгах, говорит, все показано...

– Ишь ты, подлый!.. Так и мутит воду! – проговорил кто-то, когда слышался вблизи всплеск воды...

– Нешто крокодил?

– Кому другому... Гляди – башка его над водой...

Все глаза устремились на одну точку. На освещенной светом луны полосе воды видна

была отвратительная черная голова каймана, тихо плывшего неподалеку от шлюпки к берегу.

– Погани-то всякой в этих местах!.. И крокодил, и акула проклятая... Сказывают, на берегу, в лесах и тигра... Однако загуляли что-то наши офицеры на берегу, братцы... Скоро и полночь... А ты, Живков, что все на небо глаза пялишь? Ай любопытно? Не про нас, брат, писано! – проговорил, обращаясь к чернявому матросику, пожилой, плотный матрос.

В эту минуту с берега вдруг донесся чей-то жалобный крик.

Матросы притихли. Кто-то сказал:

– А ведь это дите плачет...

– Дите и есть... По близности где-то... Ишь, горемычный, заливаётся... Заплутал, что ли...

– Кто-нибудь при ем должен быть...

Жалобный, беспомощный плач не прекращался.

– Сходил бы кто посмотреть, что ли? – заметил плотный, пожилой матрос, не двигаясь, однако, сам с места.

– Куда ходить? Офицеры могут вернуться, а гребца нет! – строго проговорил унтер-офи-

цер, старшина на катере.

– И то правда! – сказал плотный матрос.

– Что ж, так и бросить без призора младенца в этакую ночь? – раздался приятный тенорок загребного Ефремова. – А ежели он один да без помощи?.. Это, Егорыч, не того... неправильно...

– Я мигом вернусь, Андрей Егорыч, только взгляну, в чем причина! – взволнованно проговорил чернявый матросик. – Дозвольте...

– Ну, ступай... Только смотри, Живков, не заблудись...

– И я с ним, Егорыч! – вымолвил Ефремов.

И оба матроса, выскочив из катера, бегом побежали по пустынному берегу на плач ребенка...

И очень скоро, почти у самого моря, они увидали крошечного черномазого мальчика в одной рубашонке, завязшего в мокром рыхлом песке.

Около не было ни души.

Матросы удивленно переглянулись.

– Эка идола!.. Эка бесчувственные!.. Бросили ребенка... Это, брат Живков, неспроста... Погубить хотели младенца... Тут бы его кро-

кодил и сожрал!.. Гляди... Ишь плывет... Почувствуй, видно...

И Ефремов взял на руки ребенка.

– А что же мы с ним будем делать?

– Что делать?.. Возьмем на катер... Там видно будет!.. Ну ты, малыш, не реви! – ласково говорил Ефремов, прижимая ребенка к своей груди. – Это сам господь тебя вызволил...

Велико было изумление на катере, когда минут через десять вернулись оба матроса с плачущим ребенком на руках и рассказали, как его нашли.

Унтер-офицер не знал, как ему и быть.

– Зачем вы его принесли? – строго спрашивал он, хотя сам в душе и понимал, что нельзя же было оставить ребенка.

– То-то принесли! И ты бы принес! – мягко и весело отвечал Ефремов. – Ребята, нет ли у кого хлеба?.. Он, може, голоден?..

Все матросы смотрели с жалостью на мальчика лет пяти. У кого-то в кармане нашелся кусок хлеба, и Ефремов сунул его малышонку в рот. Тот жадно стал есть.

– Голоден и есть... Ишь ведь злодеи бывают люди!..

– А все-таки, ребята, нас за этого мальчонка не похвалят! Ишь пассажир объявился какой! – снова заметил унтер-офицер.

– Там видно будет, – спокойно и уверенно отвечал Ефремов. – Может, и похвалят!

Ребенок скоро заснул на руках у Ефремова. Он прикрыл его чехлом от парусов. И его некрасивое, белобрысое, далеко не молодое лицо светилось необыкновенной нежностью.

Скоро приехали с берега в двух колясках офицеры. Веселые и слегка подвыпившие, они уселись на катер.

– Отваливай!

– Ваше благородие, – проговорил старшина, обращаясь к старшему из находившихся на катере офицеров, – осмелюсь доложить, что на катер взят с берега пассажир...

– Какой пассажир?

– Малайский, значит, мальчонка... Так как прикажете, ваше благородие?..

– Какой мальчонка? Где он?

– А вот спит под банкой у Ефремова, ваше благородие...

И унтер-офицер объяснил, как нашли мальчонку.

– Ну что ж?.. Пусть едет с нами... Фок и грот поднять! – скомандовал лейтенант.

Паруса были поставлены, и шлюпка ходко пошла в полветра на клипер.

Ефремов уложил найденыша в свою койку и почти не спал до утра, поминутно подходя к нему и заглядывая, хорошо ли он спит.

Наутро доложили о происшествии капитану, и он разрешил оставить мальчика на клипере, пока клипер простоит в Батавии. В то же время он дал знать о ребенке губернатору, и маленького малайца обещали поместить в приют.

Неделю прожил маленький найденыш на клипере, и Ефремов пестовал его с нежностью матери. Мальчику сшили целый костюм и обули. И когда накануне ухода полицейский чиновник приехал за мальчиком, матросы через боцмана просили старшего офицера испросить у капитана разрешение оставить найденыша на клипере.

И Ефремов, успевший за это время привязаться к мальчику, ждал капитанского ответа с тревожным нетерпением.

Капитан не согласился.

Долго потом Ефремов вспоминал рождественскую ночь и этого чуть было не погибшего мальчика, успевшего найти уголок в его сердце.

1892

Батавия – город на северо-западном побережье острова Ява (ныне – столица Индонезии, Джакарта).

[^^^]

Пакгауз – специальный склад для хранения грузов при железнодорожных станциях, портах и т.п.

[^^^]